А. Г. Гончарук

История развития государственно-конфессиональных отношений в Нижегородской области (на примере исламской общины)

Гончарук Алексей Геннадьевич — аспирант кафедры государственно-конфессиональных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: aleksgon75@gmail.com).

Аннотация. В статье представлен анализ зарождения и распространения ислама через татарские общины на современной территории Нижегородской области; выявлены особенности государственно-конфессиональных отношений (в частности, российского государства и ислама) в различные периоды времени на определённой административно-территориальной единице.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, ислам, российское мусульманское сообщество, татары-мишаре.

Государственно-конфессиональные отношения в России имеют длительную и интересную историю. Практическое распространение ислама на территории нашей страны происходило почти одновременно с принятием православного христианства: с VIII в. на Северном Кавказе и с X в. в Поволжье, в Волжской Булгарии. Конфессиональная история тесно связана с этнической. Древнейшим населением Нижегородского края считаются финно-угорские племена: мордва, мари (черемисы), а также иные, не сохранившие своей самобытности и впоследствии ассимилированные славянами. Славянская колонизация достигла верхней Волги и распространилась на верхнее и среднее прибрежье Оки в IX – X в. Её опорными пунктами тогда были Ростов (Великий) и Муром. Вторжение половцев во второй половине XI века сдвинуло славянское население на север, в «зону смешанных лесов», а позднее в «таёжную зону» Восточно-европейской равнины. В XII в. славяне освоили верхневолжский бассейн, берега Клязьмы, Нерли, Луха и других рек и речек верхневолжского речного бассейна. Одна за другой возникают славянские крепости: Ярославль, Стародуб, Гороховец, Городец (около 1150 г.), Горбатов, а вокруг них села и более мелкие поселения[1].

[1] *Кузнецов Е. В.* Этническая история нижегородского Поволжья. Ислам: вопросы истории, культуры и философии. Сб. научн. ст. Вып. 1. — Н. Новгород, 1995. — С. 95.

Вопрос проникновения ислама на территорию средневековой Нижегородчины остаётся до конца невыясненным. Об этом говорит опыт исследования истории так называемых татар-мишарей, в частности, нижегородских татар. Некоторые исследователи в числе прочих предков татар Нижегородской земли называют буртасов, населявших Мещеру, и выходцев из Золотой Орды, а также мишарей и можар. Однако, существует точка зрения, что среди предков современных нижегородцев нет ни булгар, ни половцев (кипчаков). Можно предположить, что русские историки просто не различали племенных названий, а в средневековой историографии всех тюрков называли татарами. Вследствие этого, татар-мишарей обычно называли мещеряками, мещёрскими татарами или казаками.

Постепенное освоение (политическое и экономическое) Нижегородской земли Великими Владимирскими князьями сыграло решающую роль в славянизации местного населения. В этом государственно-экспансионистском процессе важное и до сих пор неоценённое по достоинству место принадлежит Святому Благоверному князю Юрию Всеволодовичу, основателю Новгорода Нижнего (1221 г.). Ему же принадлежит заслуга в сооружении ещё одного волжского города — Юрьевца. Народная молва считает его строителем Городецких укреплений (Малого Китежа) и «Китежа Великого» в междуречье Керженца и Ветлуги.

Вполне естественно, что татаро-монгольское нашествие (1237 – 1240 гг.) сильно изменило развитие русской истории вообще и, в частности, сильно повлияло на жизнь Нижегородчины. Так, поражение от Бату-хана, произошедшее спустя лишь семнадцать лет после основания Н. Новгорода, привело к разрушению городов на Верхней Волге и Клязьме. Однако, ни зимой 1237 – 1238 гг., ни в следующую зиму кочевники не «воевали» Н. Новгород и его окрестности. В течение последующих ста пятидесяти лет нижегородское Поволжье не испытывало крупных набегов со стороны какого-либо врага.

Зарождение мусульманских сел на Нижегородской земле начинается, по-видимому, с начала XIV в., и процесс этот проходил неравномерно. Если в основание положить устные и письменные свидетельства, то к XIV – XV в. появляются деревни: Урга, Ендовищи, Сафажай и Петряксы, далее Медяны и Карга. К середине XVI в. образуются Малое Рыбушкино, Большое Рыбушкино и Овечий Овраг. Их появление относят либо к миграционным потокам булгарских и ордынских тюрок, либо с необходимым перемещением татар времён Ивана Грозного во избежание насильственной христианизации.

По мнению некоторых исследователей, первой мечетью на русской земле стал возведённый в 1467 – 1470 гг. в Городце-Мещерском (ныне Касимов) мусульманский храм. Вероятно, именно с этого времени следует рассматривать начало сложного процесса взаимодействия православной и исламской религий в России. Имевшее известную долю автономии и тем более полную самостоятельность в вопросах религиозной идеологии, будучи надёжным

поставщиком традиционно военизированных служилых кадров (кавалерии) крепнущему Московскому престолу, Касимовское ханство стало достаточно долговременным каналом распространения ислама на юго-восточных окраинах Великого Княжества Московского. Раздача земель «служилым татарам» имела ряд последствий. Среди них — переход части тюрок в христианство. Вместе с тем оставалась возможность для них исповедовать традиционную религию предков, в данном случае — ислам.

В исламизации юго-востока Нижегородских земель важнейшими факторами считаются следующие: вероятное первоначальное проникновение на эти территории представителей различных этносов, исповедующих ислам (например, буртасов). Далее, определённым образом отразилось влияние исламской Волжской Булгарии. После этого, активно начали действовать ордынцы, которые были вынуждены в силу ряда обстоятельств расширять свои территории (XIV в.). Плюс к этому, разрешённые к тому времени государством перемещения служилых татар.

Уже со времени своего политического и военного заката ханы Золотой Орды стали искать возможности налаживания отношений с усиливающимися московскими князьями. Несмотря на наличие реальных угроз, в том числе со стороны весьма враждебных единоверцев, некоторыми представителями русской и золотоордынской элиты религиозная нетерпимость была преодолена. Они нашли то, что могло их соединить, а не противопоставить. При этом авторитет российской, православной по вероисповеданию, власти, сыграл по сути позитивную службу в процессе распространения мусульманства. К этому Москву побуждали отнюдь не только и не столько веротерпимость (о которой нередко твердят иные историки), а далеко не до конца иссякшая мощь Казани, сильная католическая Речь Посполитая и весьма небезопасное соседство православных русских княжеств, продолжавших претендовать на главенство в текущем межфеодальном соперничестве[1].

Естественно, что власти, пытаясь отстоять интересы православного населения, составлявшего большинство в государстве, искали компромиссные варианты взаимодействия с другими конфессиями, в том числе и со второй по численности — мусульманской. Территориальная близость к Москве, а также длительное совместное проживание в межэтническом и межконфессиональном районе наложили определённый отпечаток на мировосприятие нижегородских татар, и, в частности, на отношение к ним властей.

Мусульмане Нижнего Новгорода и окрестных земель начинали защиту Отечества прежде всего с выполнения обязанностей верных стражей границ России, воинов. Пик сражений пришёлся для них на XVII столетие, годы Смуты. При Петре Первом было ликвидировано сословие служилых татар,

[1] *Сенюткин С. Б.* История исламских общин Нижегородской области. — Н. Новгород. Издательство ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 1998. — С. 9.

но мусульмане края продолжали стоять на страже России в периоды её взлётов и падений. Нижегородские татары-мусульмане вместе с представителями других российских этносов и вероисповеданий внесли немалый вклад в дело общей борьбы с противниками в различных войнах, которые пришлось нести стране на протяжении многих столетий. Россия всегда отличалась высокой степенью толерантности между последователями традиционных конфессий при том, что идеальными отношения между властями и подданными различных вероисповедании мы не можем. Так, например, специальная Грамота 1593 г. «запрещала иметь мечети татарам для того, чтобы не было соблазна христианам и крящёнам»[1]. Но речь, естественно, шла о тех деревнях, которые имели смешанное население (русские, татары или иные этносы исповедующие ислам) или татарское, но с наличием «крящен». Опираясь на эту Грамоту, власти продолжали отдавать распоряжения сносить мечети. Процесс, начавшись при Иване IV, получив законодательное подтверждение в конце XVI в., продолжался и далее. Те деревни, где не было христиан, не подпадали под указ и оставались мусульманскими[2].

Иван Васильевич IV, завершая уход с исторической арены Золотой Орды, попытался закрыть вопрос о том, какой будет становящаяся многонациональной, российская держава. Историческая практика показала, что она, будучи, как всякая цивилизация, оригинальной, станет поликонфессиональной. Однако, для вызревания таких настроений и их реализации понадобится ещё двести лет[3]. Естественный настрой мусульман на сохранение и укрепление своей веры учитывался властью, закрепляющей имперское (а, стало быть, поликонфессиональное) состояние общества. Так, в 1685 г. «Именным указом князей Иоанна и Петра Алексеевичей с Боярским приговором» утверждалось, что крещение иноверцев должно осуществляться «только по свободному их желанию без всякого принуждения»[4]. Правда, в случае смерти мусульман, владельцев земли, не имевших прямых наследников, право преимущественного наследования имели те из родственников, которые перешли в христианскую веру. (Указ 1686 г. «О справе поместий после некрещёных Мурз и Татар, за некрещёными их детьми и внучатами; а если после Мурз и Татар некрещёных детей и родственников не останется, то справлять поместья их за крещёнными родственниками»)[5]. Таким образом, при решении вопроса о собственности на землю государство стремилось по мере возможности закреплять её за православными.

---

[1] Полное собрание законов Российской Империи (далее — ПСЗРИ). Ст. 8978. Т. XII. — СПб., 1830.

[2] *Сенюткин С. Б.* Указ. соч. — С. 12.

[3] *Сенюткина О. Н.* История цивилизаций. — Н. Новгород, 1997. — С. 109–113.

[4] ПСЗРИ. Ст. 1117. 5 апреля 1685 г. Т. II. — СПб., 1830.

[5] Там же. — Ст. 1179. 17 марта 1686 г.

Стоит отметить, что XVIII век в истории мусульманских общин России не был однозначным. Шёл достаточно неровный процесс упорядочения отношений Российской империи (официально провозглашённой таковой в 1721 г. Петром Великим) с её подданными исламского вероисповедания. Сенатским Указом от 31 июля 1719 г. нехристианам было объявлено через губернаторов Сибири, Уфы и Кунгуры, что «в неволю их иноверцев никого крестить не будут, разве которые пожелают волею своей креститься в православную веру»[1]. Государство тем самым исключило уже имевшие место прецеденты массового крещения от имени государя. Теперь центральные власти установили порядок, при котором желающие креститься должны были сами подавать «письменно-заручные прошения». Архиереи и прочие духовные лица без этих заявлений не могли обращать в христианскую веру.

Времена правления Елизаветы Петровны (середина XVIII в.) представляет собой следующую веху в истории взаимодействия власти и российских мусульман. Линия Петра I была продолжена рядом указов Синода, говорящих «о непринуждении татар и других иноверцев к переходу в православие» (1740, 1751 гг.). В этих распоряжениях явно была необходимость, поскольку возникла некоторая напряжённость в отношении мусульман к власти. Появление указов Синода объясняется рядом обстоятельств. С одной стороны, продолжала действовать упомянутая ранее Грамота 1593 г. «о запретах на мечети в деревнях, где были крящёны». Но, с другой стороны, за давностью лет (прошло более века) рекомендация «ломать мечети» стала забываться, а их строительство активно продолжалось (хаотично, без ведома властей) и в XVII в., и далее в XVIII в. Это противоречие нарастало и должно было так или иначе дать о себе знать.

Вопрос «о нестроении мечетей в деревнях, где русские и крещёные иноверцы живут», вновь был поднят властями с подачи самих мусульман («Обращение жителей Казанской губернии Казанского, Свияжского и Симбирского уездов»). Выборные служилые ясачные татары просили «позволения устроить ранее сломанные мечети». Власти, однако, «не меняли линию поведения, выработанную ещё в XVI в. и закреплённую Грамотой 1593 г. Было решено «если ещё где не сломаны мечети в деревнях, где живут русские и крящёны, даже, если нет церквей здесь, все сломать и вновь строить здесь не давать». Сенат, проанализировав в 1756 г. все предшествующие указы, касающиеся мусульман, вынужден был признать, что «если сломать все мечети, то это будет в их законе оскорбление». Кроме того, нельзя было не учесть сложившуюся практику присяги императору, которую давали имамы, входившие в должность, в зданиях мечетей. Вместе с тем, понимая, что строительство мечетей принимает серьёзный размах, власти решили ограничить их число: «…а быть толикому числу мечетей, сколько по нынешнему положению по числу муже-

[1] ПСЗРИ. № 3410. 31 июля 1719 г. T.V.

ска пола душ определено, а ежели сверх того положения, где останутся излишняя мечети, и те излишния мечети по прежним указам сломать немедленно…». Число прихожан должно было быть не менее двухсот человек. Если было меньше, то мусульман деревни приписывали к ближней мечети. Кроме того, можно было строить мечети после выселения крещён, что допускалось, если они составляли меньше 1/10 части деревин[1]. Следить за тем, чтобы «все татары, их Абызы и выборные Магометанского закона» не склоняли русских и новокрещён из мари, мордвы и т. д. в свою веру, должны были губернаторы и воеводы, но «не возводить напраслины на них»[2].

Итак, российские власти в середине XVIII в. сумели остановиться и не допустить абсолютного и беспощадного натиска на ислам. Был найден определённый компромисс в решении вопроса взаимодействия подданных различных вероисповеданий. Строительство мусульманских мечетей не прекратилось. Так, в середине XVIII в. на юго-востоке Нижегородчины функционировало не менее 30 деревянных мечетей, причём наличие восьми из них подтверждается документально. Христианские проповедники не могли бесконтрольно появляться в мусульманских деревнях[3]. Более того, в 1773 г. был издан закон о «терпимости всех вероисповеданий». В соответствии с ним православное духовенство не должно было вмешиваться в дела иных конфессии, а светские власти могли сами решать вопрос о строительстве храмов любой конфессии[4].

В свою очередь, важным и насыщенным событиями периодом для российского исламского мира явился рубеж XIX – XX в., в том числе для мусульман Поволжья. Это годы активного строительства в Нижегородском крае мусульманских храмов (некоторые из каменных мечетей, возведённых в первом десятилетии XX столетия на средства исламских общин и местных меценатов, сохранились до настоящих дней «и составляют вместе с современными культовыми сооружениями мусульман предмет гордости нижегородской уммы»[5]).

Всплеск религиозной активности сопровождался заметным ростом общественно-политической активности мусульманского сообщества. Так, в августе 1905 г. на теплоходе «Густав Струве» в Нижнем Новгороде прошёл I Всероссийский мусульманский съезд, целью которого являлось создание общероссийского политического движения. Во время этой «прогулки» по воде Съездом была выработана резолюция, в которой отражалась необходимость ненасильственной политической революции в России, требование создания правово-

---

[1] ПСЗРИ. Ст. 10 597. 23 августа 1756 г. Т. XIV. — СПб., 1830.

[2] Там же.

[3] ПСЗРИ. Ст. 13 336. 20 августа 1769 г. Т. XVIII. — СПб., 1830.

[4] ПСЗРИ. №13 996. Т. XIX. 1770 – 1774. — СПб., 1830. С. 775 – 776.

[5] *Кашаф Ш. Р.* «По доброй своей воле… на собственные свои средства я желаю выстроить… мечеть» // Минарет Ислама / журнал Духовного управления мусульман европейской части России. — 2011. — № 3 – 4 (29 – 30). — С. 132.

го государства, законодательного органа, контролирующего исполнительную власть и полное равноправие между мусульманами и христианами России[1].

Советская власть, провозгласив религию частным делом граждан, не вела и официальный учёт состояния религиозности общества. На всех этапах государственно-конфессиональных отношений советского периода заинтересованность уровнем религиозности общества всё же была. Эта информация являлась необходимой при осуществлении внутренней политики, в которой религиозные организации рассматривались режимом в качестве легального убежища для политических врагов. Особенно в первые годы своего существования, большевики активно привлекали на свою сторону сторонников для объединения разрозненного революцией и гражданской войной российского общества. Мусульманская община на протяжении ряда лет после 1917 г. не определила своего конкретного отношения к новому руководству страны. Считалось, что мусульмане российского Поволжья наиболее лояльны по отношению к властям.

В архивных источниках за 1920 – 1923 гг. мы не находим отражения фактов целенаправленного давления власти на мусульманскую общину. Однако, уже к середине 20-х гг. начинают прослеживаться первые шаги к конфронтации. На фоне тотальной агрессии и борьбы советских лидеров с религией и религиозными объединениями, разворачивается активная кампания лекционно-пропагандистских и художественно-культурных мероприятий, направленных на дискредитацию мусульманского вероучения. В конце 20-х гг. поднялась мощная волна закрытия мусульманских мечетей на Нижегородчине. Но власти, тем не менее, оставляли за собой некоторую позицию для утверждения о том, что интересы верующих не перечёркнуты и не подавлены. Видимо, отсутствие прочных идейно-политических связей мусульман Нижегородчины с зарубежными религиозными центрами избавляло носителей власти на Нижегородчине применять только самые суровые меры против священнослужителей вроде обвинения их в международном шпионаже или в связях с антисоветскими режимами, как это было в Крыму, на Кавказе и в Средней Азии.

В целом, весь период антирелигиозной советской традиции отрицательно повлиял на сознание многих российских мусульман. Ислам часто сохранялся лишь на уровне соблюдения религиозных обрядов и норм. Только перемены, ознаменовавшие переход к свободе вероисповедания конца 80-х годов прошлого столетия, позволили жителям Нижегородского края, исповедующих ислам, снова начать активную деятельность. Постепенный отход российского государства от диктатуры в сфере государственно-конфессиональных отношений помог в будущем создать благоприятную почву для выхода «на по-

[1] *Хабутдинов А. Ю., Мухетдинов Д. В.* Всероссийские мусульманские съезды 1905 – 1906 гг. / НИИ им. Х. Фаизханова ; Отв. за вып. Д. В. Мухетдинов. — Н. Новгород: НИМ «Махинур», 2005. — С. 24 – 25.

верхность» общественной жизни нашей страны многообразию религиозных течений, и, в частности, исламской традиции.

В настоящее время российское мусульманское сообщество озабочено новыми вызовами, стоящими перед нашей страной на внутриполитической и внешней арене. Мусульмане России решительно настроены на укрепление российской государственности, о чём, в частности, председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин говорил на встрече с Президентом Российской Федерации Дмитрием Медведевым в июле 2011 г. «Мусульмане России уверенно полагаются на мудрость руководства страны, — отметил Р. Гайнутдин, — и со своей стороны готовы всемерно поддерживать все действия, направленные на укрепление гражданского согласия, мира и стабильности, экономической мощи и обеспечение прав гражданского общества...»[1].

Таким образом, отладка и настраивание механизмов межнациональных и межконфессиональных отношений — дело первостепенной важности как для государства, так и для развивающегося в стране гражданского общества. Серьёзный вклад в этот процесс предстоит внести не только жителям многоэтничной и многоконфессиональной Нижегородского региона, но и России в целом.

Список литературы

1. *Кузнецов Е. В.* Этническая история нижегородского Поволжья. Ислам: вопросы истории, культуры и философии. Сб. научн. ст. Вып. 1. Н. Новгород, 1995.
2. *Мухетдинов Д. В., Хабутдинов А. Ю.* Ислам в России в XVIII — начале XXI вв.: модернизация и традиции. — Н. Новгород: Издательство ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2011.
3. *Сенюткин С. Б.* История исламских общин Нижегородской области. Н. Новгород. Издательство ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 1998.
4. *Сенюткина О. Н.* История цивилизаций. Н. Новгород, 1997.
5. *Хабутдинов А. Ю., Мухетдинов Д. В.* Всероссийские мусульманские съезды 1905 – 1906 гг. / НИИ им. Х. Фаизханова; Отв. за вып. Д. В. Мухетдинов. — Н. Новгород: НИМ «Махинур», 2005.

© Гончарук А. Г., 2012

[1] *Мухетдинов Д. В., Хабутдинов А. Ю.* Ислам в России в XVIII — начале XXI вв.: модернизация и традиции. — Нижний Новгород : Издательство ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2011. — С. 258.